

УДК821.161.1.09"1917/1991"  
ББК83.3(2Рос=Рус)6.Русская лите-  
ратура XX века 1917-1991

**И.И. Цыценко**  
**Сун Хэцзя**

**«ТИХИЙ ДОН»**  
**М.А. ШОЛОХОВА:**  
**ЭВОЛЮЦИЯ ОСМЫСЛЕНИЯ**  
**ПРОИЗВЕДЕНИЯ**  
**КИТАЙСКОЙ КРИТИКОЙ**

Предпринята попытка проанализировать и дать обобщенное представление об основных подходах к изучению «Тихого Дона» в Китае с 1949 до 2000-х гг., что имеет важное значение для реконструкции и описания международной рецепции творчества М. Шолохова в целом, а также позволяет увидеть в динамическом процессе восприятия отдельного произведения специфический диалог культур России и Китая в XX в., обусловленный политическими, историческими, эстетическими и языковыми факторами.

**Ключевые слова:** *рецепция, художественный мир, парадигма социокультурных факторов, идейность и художественность, гуманизм, концепция героя.*

DOI: 10.18522/1995-0640-2015-4-26-35

**Цыценко Ирина Ивановна** – канд. филол. наук, доцент кафедры отечественной литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета  
Тел.: 8-903-407-96-94  
E-mail: nizamy@mail.ru

**Сун Хэцзя** – магистр кафедры отечественной литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета  
E-mail: “菊与刀” 2215974507@qq.com

© Цыценко И.И., Сун Хэцзя, 2015.

Роман-эпопею «Тихий Дон» многие ученые называют главной русской книгой XX в. Он обрел практически планетарную известность, покориw читателей своей исторической глубиной, своим правдивым отражением национальной жизни в момент ее трагического излома, своей экзистенциальной глубиной в изображении человека, проходящего через жернова социальных катаклизмов. Создавая в своей эпопее энциклопедию донского казачества эпохи революции и не выходя, казалось бы, за пределы относительно узкого региона, отдаленного от привычных мировых центров, М. Шолохов поставил в своем творчестве проблемы общечеловеческого масштаба и значения. Поэтому не удивительно, что, будучи переведенным почти на все языки народов мира, это произведение все еще вызывает споры.

Почти 30 лет назад в своем выступлении на Советско-американском симпозиуме «Михаил Шолохов и Уильям Фолкнер» известный русский ученый П. Палиевский так очертил круг вопросов, вызвавших напряженную полемику среди исследователей: «Предметом внимания и советских, и американских ученых были такие проблемы, как соотношение регионального и общечеловеческого, выражение народного мировосприятия и гуманистических идеалов, трактовка исторических процессов и концепция личности, изображение взаимоотношений человека и окружающей среды, преломление устной традиции» [Советско-американский симпозиум, с. 131].

Большинство аспектов, выделенных ученым, были и остаются предметом пристального изучения и китайскими исследователями творчества М. Шолохова. В настоящей статье мы попытаемся проанализировать и дать обобщенное представление об основных подходах к изучению «Тихого Дона» в Китае в разные исторические периоды, политические и культурные особенности которых во многом определили характер осмысления романа китайской критикой.

Первый этап изучения романа-эпопеи М. Шолохова в Китае, охватывающий почти четыре десятилетия (1949 – 1985 гг.), в целом характеризуется односторонним восприятием произведения – в контексте политической культуры. Второй этап, продолжающийся по настоящее время, ознаменован диверсифицированным восприятием «Тихого Дона», его подлинно научным осмыслением в контексте неполитической культуры. В каждом из названных этапов просматриваются отдельные периоды, отмеченные спецификой изучения, связанной с особенностями переживаемой Китаем историко-культурной ситуации. Первые книги «Тихого Дона» М.А. Шолохова были переведены в Китае еще в 1930-е гг., и тогда же появились первые отклики на роман-эпопею. В 1952 г. на экранах кинотеатров Пекина прошел советский фильм «Тихий Дон», вызвав огромную волну интереса среди китайских народов; по неполным статистическим данным, этот фильм был показан 1721 раз, число людей, посмотревших фильм, – более миллиона. Общая волна интереса стимулировала и китайских литературных критиков, которые, начиная с середины 1950-х гг., активно пишут о «Тихом Доне».

Так как в жизни Китая с 1950 до 1985 г. произошло немало перемен, политический вектор восприятия шолоховского романа менялся неоднократно. Первоначально во многом определяющую роль в восприятии «Тихого Дона» сыграла написанная перед образованием Нового Китая статья Мао Цзедунa «О демократической диктатуре народа», в которой предлагалась новая политика, получившая название «Держаться одной стороны». Согласно ей, китайцы должны были учиться, прежде всего, у коммунистической партии Советского Союза. В результате издательская деятельность в стране полностью развернулась в направлении советской литературы. По данным несовершенной, но в целом объективной статистики управления государственных издательств, с октября 1949 г. до декабря 1958, было опубликовано 82 005 000 томов произведений русской и советской литературы, что составило 74,4% общего числа зарубежных литературных произведений. Соответственно определилась сфера интересов литературоведов и критиков.

Среди первых китайских литературных критиков, занявшихся изучением произведения Шолохова, выделяется своей активностью Цзинь Жэнь, опубликовавший с 1956 по 1958 гг. целый ряд статей, посвященных идейному содержанию, художественным особенностям и персонажам «Тихого Дона» [Цзинь Жэнь, 1956, 1957а,б, 1958]. В статье «Воспитательное значение романа "Тихий Дон"» Цзинь Жэнь так выразил суть своей позиции: «...этот роман пользуется общим успехом, и для этого

есть одна причина – мастерство творчества М. Шолохова, но наиболее важной причиной является политическое значение романа... В романе М. Шолохов подробно описал скандальное поведение противников социализма и их бесславный конец, <...> доказал, что без руководства коммунистической партии, победы социалистической революции не будет...» [Цзинь Жэнь, 1957а, с. 27].

Воспринимая роман как урок политического воспитания, Цзинь Жэнь полностью игнорировал художественные достоинства «Тихого Дона», как и многие другие авторы критических статей этого периода. Собственно, все обсуждение произведения на этом этапе сводилось к двум вопросам, первый из которых – революционный дух романа, а второй – значение образа главного героя.

Другие критики 1950-х гг., в числе которых Цинь Чжаоян, Е. Чань, Инь Сикан, Ван Яшэн, позиции которых проанализированы в работах Лю Ядина [Лю Ядин, 2012а,б], видели главную причину трагедии Григория в его социальной природе: он герой-средняк, к тому же, принадлежащий к казачеству, сословию, которому нет места в новой действительности. При очевидном первенстве классового подхода китайской критики этого периода к анализу героев и событий романа-эпопеи, следует признать, что уже тогда наметилась тенденция к более глубокому постижению характера главного героя «Тихого Дона», истокам противоречивости и сложности этого образа. Некоторые суждения китайских критиков конца 1950-х гг. о неизбежности ошибок в политическом самоопределении Григория и всего казачества в сложившейся конкретно-исторической ситуации перекликаются с концепцией «исторического заблуждения», выработанной российскими шолоховедом только в 1960 – 1970-е гг.

С конца 1960-х гг., в период «культурной революции» отношение к советской литературе в Китае резко меняется, особым нападкам подвергается творчество М. Шолохова – за реакционную, по мнению ряда китайских критиков и общественных деятелей, политическую позицию и «лакировку» действительности периода царизма. В статье «Зачинатель литературного советского ревизионизма – М. Шолохов» Гань Юйцзе писал: «В целях удовлетворения политических потребностей империализма и капитализма... автор исказил истину и исторические факты, открыто и нагло выступал против пролетарской революции и диктатуры пролетариата» [Гань Юйцзе, с. 56]. Искренне считая М. Шолохова «проповедником ревизионизма», автор статьи призывал тщательно анализировать произведения писателя с политической точки зрения, критиковать его позицию и, тем самым, повышать сознательность китайского народа.

Нобелевская премия по литературе принесла М. Шолохову всемирную славу, но этот факт стал новым аргументом против писателя для китайской критики. Политическая риторика становится все более резкой и оскорбительной. «М. Шолохов уже сорвал свой фиговый листок, стал “пропагандистским инструментом западных стран”», – про-

возглашалось в статье «Предатель – истинное лицо М. Шолохова» в газете «Жэньминь». И далее: «М. Шолохов далеко не пролетарский писатель, а неприкрытое контрреволюционное кулачье, трибун белобандитов» [Предатель...]. О ненависти Григория Мелехова и всего казачества к большевикам и власти Советов писал в 1975 г. Чжун Ин: «Григорий является белобандитом, он утонет в крови, его жестокие поступки достигают крайних пределов...» [Чжун Ин, с.104].

Со второй половины 1970-х гг. и до середины 80-х, в период «преодоления хаоса и восстановления порядка» в Китае, наступивший после утверждения на третьем пленуме ЦК практики единственным критерием истины, ЦК КПК пересмотрел и лозунг «Литература и искусство должны служить политике» и выдвинул курс «Литература и искусство должны служить народу и социализму».

На конференции по современной советской литературе, прошедшей в сентябре 1979 г., М. Шолохов и его произведения стали важной частью обсуждения. Выступившие на конференции ученые продемонстрировали, что так и не оторвались от ограниченного классового подхода: Ли Шусэнь заявил, что М. Шолохов – прежде всего представляет интересы казачества, а Чэ Чэньань настаивал, что М. Шолохов – пролетарский писатель. Исследование образа Григория Мелехова также не вышло на новый уровень: единственной обсуждаемой проблемой осталась причина трагедии героя, но теперь она виделась китайским ученым несколько иначе – не в принадлежности к казакам-среднякам, а в индивидуальной позиции Григория, которого провозгласили искателем правды.

Со второй половины 80-х гг. начинается новый этап изучения романа китайским литературоведением, отмеченный повышенным вниманием к собственно эстетической стороне произведения, а также началом сравнительного исследования литературных текстов. В эти годы подходы к «Тихому Дону» радикально изменились: Линь Иминь провозгласил, что основной творческий импульс М. Шолохова – через описание судьбы Григория и других героев показать читателям, что война и революция принесли казакам большие изменения не только в плане организации жизни, но и духовные [Линь Иминь, с. 52 – 59]. Другой китайский ученый Ван Цзинян отмечал: «Потрясающие сюжеты в романе отражают страсть писателя...Страсть и идеалы М. Шолохова имеют отношение не только к социализму, но и к гуманизму...» [Ван Цзинян, с. 40]. Этого же исследователя привлек анализ описаний природы в «Тихом Доне».

Новое развитие получило исследование образа Григория. Ли Ганн, автор статьи «Прекрасный трагический образ – о герое романа “Тихий Дон” Григории», писал, что М. Шолохов прекрасно воплотил красоту человечности в характере Григория. С его точки зрения, Григорий – мужественный человек, оставшийся незапятнанным в сложнейшей обстановке: он испытывал трудности и страдания, но не опустился, остался нестигаемым, сохранил свою духовную суть и природный характер – добрый, душевный и смелый [Ли Ганн, с. 49 – 53].

В конце 1980-х пристальному изучению китайскими исследователями подверглись также пейзаж в романе, национальный колорит, быт и нравы казаков в изображении М. Шолохова. В этот же период появились первые статьи сравнительного характера: «Сопоставительный анализ романов “Тихий Дон” и “Война и мир”» Гу Пугуан, «Сравнение героев: “Тихий Дона” и “Доктор Живаго”» Го Сяосянь и др.

В 1990-е гг., отмеченные диверсифицированным развитием идеологии и культуры в Китае, интерес к герою «Тихого Дона» существенно возрос и качественно изменился: теперь исследователи отмечали его привлекательность: «...колеблющийся Григорий показал нам процесс перевоспитания, отрицания и совершенствования самого себя, в этом мы видим его мужество, непреклонную волю и напористый характер» [Пэн Чжень, с. 87].

Многие выводы китайских ученых не расходятся с современными оценками российских шолоховедов: «Трагедия Григория воплощала тяжелую историю и судьбу русского народа, в ней отразились высокие идеалы М. Шолохова», – пишет Цзян Дай, и далее поясняет: «В романе “Тихий Дон” гуманизм поднимается до всеобщего человеческого осознания, через описание борьбы между гуманизмом, войной и политикой, М. Шолохов пытался найти правду» [Цзян Дай, с. 72]. Об общечеловеческом характере шолоховских идеалов пишет и другой китайский критик – Дай Пинцзи: «Стремиться к правде и добру – главный эстетический идеал М. Шолохова, он уважает ценность человека и переживает о судьбе всего человечества» [Дай Пинцзи, с. 92 – 98]. Другие аспекты исследования «Тихого Дона» в Китае в конце XX в. связаны со сравнительным изучением шолоховского произведения с творчеством китайских авторов XX в. (сравнивается разработка женских образов, поэтика пейзажа и другие особенности).

В XXI в. возрастает культурный обмен между Востоком и Западом, ускоряется процесс глобализации, в связи с этим кругозор китайских ученых стал более обширным и всесторонним. Теория полифонии, социология, феминистская критика, теория экологической критики М. Бахтина и другие концепции попали в поле зрения китайских ученых. Сказалось все это и на восприятии «Тихого Дона»: с одной стороны, страсти и споры поутихли, в целом внимание к роману несколько снизилось, с другой стороны, изучение романа-эпопеи стало научным и разносторонним, китайские ученые приблизились к пониманию сущности произведения.

Среди новых направлений китайского шолоховедения выделяется интерес к языку и стилю писателя, связям эстетики «Тихого Дона» с таким художественным явлением, как модернизм. Самая значительная работа по проблеме языка произведения – статья «Многослойность языка романа “Тихий Дон”» [Хэ Юньбо, Лю Ядин, с. 44 – 53]. Особенности художественного языка романа авторы статьи увидели в наличии в нем трех пластов, связанных соответственно с историческим повествованием, личным (бытовым) и лирическим повествованием.

Небесспорные предположения о возможных связях «Тихого Дона» с эстетикой модернизма высказывает в своих работах Чжан Чжунфэн. Иррациональное начало, выводящее произведение за границы «чистого реализма», он видит прежде всего в понимании истории: на его взгляд, М. Шолохов не воплотил здесь историческую неизбежность. Иррациональны, по его мнению, также понимание М. Шолоховым человечности (воплощение «зла человечности» в романе) и мировоззрение (пессимизм и фатализм автора проявляется в трагическом развороте судьбы главного героя) [Чжан Чжунфэн, с. 114 – 121]. Выводы, сделанные автором статьи, таковы: в «Тихом Доне» нашли выражение абсурдные отношения между миром и человеком, а также процесс опасного распада общества («диссимилиации» – в авторском выражении). В трагическом общественном расколе Чжан Чжунфэн увидел не отражение объективной исторической реальности, а субъективную позицию автора.

Противоположного мнения придерживается другой современный китайский исследователь – Се Фан. Глубокое размышление о судьбах человечества, художественное утверждение «закона совести», которые отражаются в образе Григория (доброта, чистосердечие, энергичность, внутренняя красота, чувство справедливости и проявление скептического духа в отношении любых общественных позиций, неподкрепленных нравственностью), а также провозглашение любви основой жизни – вот те начала «Тихого Дона», которые делают его выдающимся образцом гуманистического творчества, по мнению этого исследователя [Се Фан, с. 43 – 48].

В целом палитра китайского шолоховедения после 2000 г. стала более интересной и разнообразной. Такие авторы, как Пэн Яцзинь [Пэн Яцзинь], Хэ Юньбо, Лю Ядин, Фу Хинхуань [Фу Хинхуань], Ли Юйчжэнь [Ли Юйчжэнь], комментируют общие положения российской, западной и китайской критики в отношении романа, а также высказывают оригинальные точки зрения. Проблема исторической памяти, анализ причин личной и национальной трагедии, концепция любви, стилевые особенности в «Тихом Доне» – вот основные вопросы, интересующие китайских ученых сегодня.

### Литература

Ван Цзинян. Эстетика романа «Тихий Дон» // Исследование зарубежных литератур. 1985. № 3.

汪靖洋 / 《静静的□河》的□美作用 // 外国文学研究., 1985年第3期., 第37 – 43 □。

Гань Юйцзе. Зачинатель советского литературного ревизионизма – М. Шолохов // Вестн. ун-та Хэй Лунцзян. 1975. № 3(2).

甘雨 □ / □ □文学修正主 □的奠基人—肖洛霍夫 // 黑 □江大学学 □, 1975年第3期, 第50–57 □。

Дай Пинцзи. Историческое размышление о революции и войне – обсуждение идейной направленности «Тихого Дона» // Исследование зарубежных литератур. 1991. № 1.

屏吉, □革命和□争的□史反思—□ □静静的□河的思想□向 // 外国文学研究, 1991年第一期, 第92–98 □。

*Ли Ганн.* Прекрасный трагический образ – о герое романа «Тихий Дон» Григории // Исследование зарубежных литератур. 1989. № 2.

力, 美好的悲·形象—静静的·河主人公葛里高利 // 外国文学研究, 1989年第二期, 第49 - 53。

*Ли Юйчжень.* Легендарная жизнь М. Шолохова. Пекин, 2009.

李毓榛 / 肖洛霍夫的·奇人生 // 北京, 2009年。

*Линь Имьинь.* Обсуждение особенностей творчества М. Шолохова // Вестн. ун-та Цзян Си. 1984. № 4.

林一民, 浅·肖洛霍夫·作特色 // 江西大学学报, 1984年第四期, 第52-59。

*Лю Ядин.* Новая традиция в исследованиях о М. Шолохове // Вайго вэнсюэ дунтай (Развитие зарубежной литературы). 2012. № 6.

刘·丁, 肖洛霍夫研究的新·, 《外国文学·》2012年06期, 第47 - 49也。

*Лю Ядин.* Шолохование в Китае [Электронный ресурс]. // Научно-культурологический журнал Relga. 2012. № 11(249). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3265&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 2 августа 2014).

*Пэн Чжэнь.* Привлекательность человека: уничтожение и перерождение – особенности трагического творчества М. Шолохова // Зарубежная литература. 1995. № 3.

彭甄, 《“人的魅力” : ··与重建—肖洛霍夫悲··作的特·》 // 国外文学, 1995年第三期, 第86 - 89。

*Пэн Яцзинь, Хэ Юньбо.* Перевод и распространение творчества М. Шолохова в Китае // Сянтань дасюэ шэхуй кэсюэ сюэбао (Научный журнал социальной науки Сянтаньского университета). 2002. № 6.

彭·静, 何云波, 肖洛霍夫在中国的·介, 《湘潭大学社会科学学·》2002年06期, 第95 - 99。

Предатель – истинное лицо М. Шолохова // Жэньминь. 1966. № 5(13).

肖洛霍夫的叛徒真面目 // 人民日·, 1966年第五期。

*Се Фан.* Совесть – Бог: анализ духа гуманизма в «Тихом Доне» // Литература и искусство России. 2003. № 6.

·昉, 《“良心就是上帝” —剖析静静的·河中的人道主·精神》 // 俄·斯文·, 2003年第六期, 第43 - 48。

Советско-американский симпозиум «Михаил Шолохов и Уильям Фолкнер». Ростов-на-Дону, 5-9 сентября 1986 г. // Дон. 1987. № 5.

*Фу Хинхуань.* От «колебаний» до «возвращения»: об этико-эстетической идеологии «Тихого Дона» // Вайго вэнсюэ яньцзю. 2006. № 2.

傅星寰 / 从“··”到“回·” —《静静的·河》·理·美意·形·辨析 // 外国文学研究, 2006年02期。

*Хэ Юньбо.* М. Шолохов. Чэнду, 2000.

何云波 / 肖洛霍夫 // 成都, 2000年。

*Хэ Юньбо, Лю Ядин.* Многослойность языка романа «Тихий Дон» // Обозрение зарубежных литератур. 2002. № 4.

何云波、刘·丁, 《静静的·河》的多重·· // 外国文学··, 2002年第四期, 第44 - 53。

*Цзинь Жэнь.* Воспитательное значение романа «Тихий Дон» // Урожай. 1957а. № 3.

金人, ·《静静的·河》的教育意· // 《收·》, 1957年第三期, 第27 - 29。

*Цзинь Жэнь.* Идейнность и художественность романа «Тихий Дон» // Литература и искусство Чан Цзян. 1958. № 1.

金人 / 《静静的河》的思想性和性 // 江文, 1958年第1期。

*Цзинь Жэнь.* О персонажах в романе «Тихий Дон» // Газета Да Гунн. 28 августа 1957г.

金人 / 《静静的河》里的几个人物 // 大公, 1957年8月28日。

*Цзинь Жэнь.* Что за герой Григорий? // Изучение литературы и искусства. 1956. № 11.

金人 / 怎葛利高里个人 // 文学, 1956年第11期。

*Цзян Дай.* «Тихий Дон»: возвращение к опыту гуманистической эстетики // Вестн. пед. ун-та Сюй Чжоу. 1999. № 25.

蒋岱, 《静静的河: 人美的高品位原》 // 徐州范大学学, 1999年第25期, 第69 - 72。

*Чжан Чжунфэн.* Иррационализм в романе «Тихий Дон» // Зарубежная литература. 2006. № 26(4).

中, 《静静的河》作中的非理性主特征 // 国外文学, 2006年第26期, 第114 - 121。

*Чжун Ин.* За фасадом сложности и очаровательности – образ Григория в романе «Тихий Дон» // Вестн. пед. ун-та Фу Цзянь. 1975. № 2. С. 101-105.

英, 在“迷人”的背后——《静静的河》中的葛立高里形象 // 福建范大学学, 1975年第二期, 第101 - 105。

### References

Van Tszinyan. Estetika romana «Tikhii Don» // Issledovanie zarubezhnykh literatur. 1985. № 3. S. 37 - 43.

汪靖洋 / 《静静的河》的美作用 // 外国文学研究, 1985年第3期, 第37 - 43。

Gan' Yuitsze. Zachinatel' sovetskogo literaturnogo revizionizma – M. Sholokhov // Vestnik universiteta Khei Luntszyan. 1975. № 3(2). S.50 - 57.

甘雨 / 文学修正主义的奠基人——肖洛霍夫 // 黑龙江大学学, 1975年第3期, 第50 - 57。

Dai Pintszi. Istoricheskoe razmyshlenie o revolyutsii i voine – obsuzhdenie ideinoi napravlenosti «Tikhogo Dona» // Issledovanie zarubezhnykh literatur. 1991. № 1. S.92 - 98.

戴屏吉, 革命和争的史反思——静静的河的思想向 // 外国文学研究, 1991年第一期, 第92 - 98。

Li Gann. Prekrasnyi tragicheskii obraz – o geroe romana «Tikhii Don» Grigorii // Issledovanie zarubezhnykh literatur. 1989. № 2. S.49 - 53.

力, 美好的悲形象——静静的河主人公葛里高利 // 外国文学研究, 1989年第二期, 第49 - 53。

Li Yuichzhen'. Legendarnaya zhizn' M. Sholokhova. Pekin, 2009. 290 s.

李毓榛 / 肖洛霍夫的奇人生 // 北京, 2009年。

Lin' Imin'. Obsuzhdenie osobennosti tvorchestva M. Sholokhova // Vestnik universiteta Tszyan Si. 1984. № 4. S. 52 - 59.

林一民, 浅肖洛霍夫作特色 // 江西大学学, 1984年第四期, 第52 - 59。

Lyu Yadin. Novaya traditsiya v issledovaniyakh o M. Sholokhove // Vaigo ven'syue duntai (Razvitie zarubezhnoi literatury). 2012. № 6. S.47 - 49.

刘丁, 肖洛霍夫研究的新, 《外国文学》2012年06期, 第47 - 49也。

Lyu Yadin. Sholokhovedenie v Kitae [Elektronnyi resurs]. // Nauchno-kul'turologicheskii zhurnal Relga. 2012. № 11(249). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3265&level1=main&level2=articles> (data obrashcheniya: 2 avgusta 2014).

Pen Chzhen'. Privlekatel'nost' cheloveka: unichtozhenie i pererozhdenie – osobennosti tragicheskogo tvorchestva M. Sholokhova // Zarubezhnaya literatura. 1995. № 3. S. 86 – 89.

彭甄, 《“人的魅力” : 与重建-肖洛霍夫悲作的特》 // 国外文学, 1995年第三期, 第86 – 89。

Pen Yatszin', Khe Yun'bo. Perevod i rasprostranenie tvorchestva M. Sholokhova v Kitae // Syantan' dasyue shekhui kesyue syuebao (Nauchnyi zhurnal sotsial'noi nauki Syantan'skogo universiteta). 2002. № 6. S.95 – 99.

彭·静, 何云波, 肖洛霍夫在中国的·介, 《湘潭大学社会科学学·》2002年06期, 第95 – 99。

Predatel' – istinnoe litso M. Sholokhova // Zhen'min'. 1966. №5(13).

肖洛霍夫的叛徒真面目 // 人民日·, 1966年第五期。

Se Fan. Sovest' – Bog: analiz dukha gumanizma v «Tikhom Done» // Literatura i iskusstvo Rossii. 2003. № 6. S.43 – 48.

·昉, 《“良心就是上帝” — 剖析静静的·河中的·人道主·精神》 // 俄·斯文·, 2003年第六期, 第43 – 48。

Sovetsko-amerikanskii simpozium «Mikhail Sholokhov i Uil'yam Folkner». Rostov-na-Donu, 5 – 9 sentyabrya 1986 g. // Don. 1987. № 5.

Fu Khinkhuan'. Ot «kolebanii» do «vozvrashcheniya»: ob etiko-esteticheskoi ideologii «Tikhogo Dona» // Vaigo vensyue yan'tszyu. 2006. № 2.

傅星寰 / 从“·”到“回·” — 《静静的·河》·理·美意·形·辨析 // 外国文学研究, 2006年02期。

Khe Yun'bo. M. Sholokhov. Chendu, 2000. 266 s.

何云波 / 肖洛霍夫 // 成都, 2000年。

Khe Yun'bo, Lyu Yadin. Mnogosloinost' yazyka romana «Tikhii Don» // Obozrenie zarubezhnykh literatur. 2002. № 4. S. 44 – 53.

何云波、刘·丁, 《静静的·河》的多重· // 外国文学·, 2002年第四期, 第44 – 53。

Tszin' Zhen'. Vospitatel'noe znachenie romana «Tikhii Don» // Urozhai. 1957. № 3. S.27 – 29.

金人, 《静静的·河》的教育意· // 《收·》, 1957年第三期, 第27 – 29。

Tszin' Zhen'. Ideinost' i khudozhestvennost' romana «Tikhii Don» // Literatura i iskusstvo Chan Tszyan. 1958. № 1.

金人 / 《静静的·河》的思想性和·性 // ·江文·, 1958年第1期。

Tszin' Zhen'. O personazhakh v romane «Tikhii Don» // Gazeta Da Gunn. 28 avgusta 1957 g.

金人 / 《静静的·河》里的几个人物 // 大公·, 1957年8月28日。

Tszin' Zhen'. Chto za geroi Grigorii? // Izuchenie literatury i iskusstva. 1956. № 11.

金人 / 怎···葛利高里·个人 // 文·学·, 1956年第11期。

Tszyan Dai. «Tikhii Don»: vozvrashchenie k opyту gumanisticheskoi estetiki // Vestnik pedagogicheskogo universiteta Syui Chzhou. 1999. № 25. S. 69 – 72.

蒋岱, 《静静的·河 : 人··美·的高品位·原》 // 徐州·范大学学·, 1999年第25期, 第69 – 72。

Chzhan Chzhunfen. Irratsionalizm v romane «Tikhii Don» // Zarubezhnaya literatura. 2006. № 26(4). S.114 – 121.

▪ 中 ▪ , ▪ ▪ 《静静的 ▪ 河》 ▪ 作中的非理性主 ▪ 特征 // 国外文学, 2006 年第26期, 第114 – 121 ▪ 。

Chzhun In. Za fasadom slozhnosti i ocharovatel'nosti – obraz Grigoriya v romane «Tikhii Don» // Vestnik pedagogicheskogo universiteta Fu Tszyan'. 1975. №. 2. S. 101 – 105.

▪ 英, 在 “ ▪ ▪ ▪ ” “迷人” 的背后- ▪ 《静静的 ▪ 河》 中的葛立高里形象 // 福建 ▪ 范大学学 ▪ , 1975年第二期, 第101-105 ▪ 。

**Tsytsenko I.I., Sun Hatszya** (Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation)

**«Quiet flows the Don» by M.A. Sholokhov: evolution of interpretation by Chinese critics**

This article attempts to analyze and give a general idea about the main approaches to the study of “Quiet Flows the Don” in China from 1949 to the 2000s, which is essential for the reconstruction and the description of the international reception of Mikhail Sholokhov’s creativity in general, and also allows to see the dynamics of the perception process of the individual specific cultural dialogue between Russia and China in the XX century, due to the political, historical, aesthetic and linguistic factors.

The development of “Quiet Flows the Don” in Chinese literary criticism has two main stages: 1949-1985s (one-sided interpretation of “Quiet Flows the Don” in the context of political culture) and the 1985-2000s (a scientific approach in the context of a non-political culture). Each of these stages considers separate periods marking the specifics of the study related to the specific feature of China’s historical and cultural situation, analyzes the most interesting point of view of Chinese researchers. Great attention is given to the issues that were discussed in the Chinese literary criticism and topical issues that reflect the experience of revolution and civil war, the question about the main character of the epic novel and the origins of the tragedy and artistic skill of Sholokhov.

**Key words:** *reception, art world, paradigm of socio-cultural factors, ideological and artistic humanism, concept of the character.*

**Tsytsenko Irina Ivanovna** – candidate of philology, professor assistant, national literature dpt. Institute of philology, journalism and cross-cultural communication. Southern Federal University. Phone: Тел.: 8-903-407-96-94. E-mail: nizamy@mail.ru

**Soun Hatszya** – post-graduate student, national literature dpt. Institute of philology, journalism and cross-cultural communication. Southern Federal University. E-mail: “菊与刀” 2215974507@qq.com